

0 7242664

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

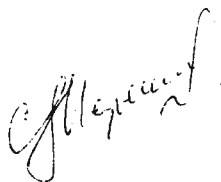
На правах рукописи

**МЕРЕЧИНА
СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА**

**СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО**

10. 02. 01 - русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань - 2001

Диссертация выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания
Казанского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор О.Ф. Жолобов

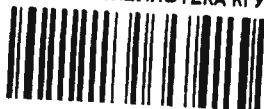
Официальные оппоненты – доктор филологических наук,

профессор Н.А. Тупикова

кандидат филологических наук,

доцент Н.Д. Орлова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000617670

я организация – Казанский государственный
педагогический университет

Защита состоится "10" сентября 2001 г. в ____ часов на
заседании диссертационного совета Д 212.081.05. по присуждению
ученой степени кандидата филологических наук Казанского
государственного университета по адресу: 420008, Казань, ул.
Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан "10" ноября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н., доцент

Дмитриева В.С.

Актуальность работы.

История развития темпоральной системы глагола в древнерусском языке посвящена большая лингвистическая литература. Однако, несмотря на значительное количество работ в этой области, многие вопросы, связанные с историей глагольной категориальной семантики, функционирования и формообразования требуют дальнейшей разработки.

Важное место при описании категории времени занимают шедевры древнерусской оригинальной литературы, в которых функционирование темпоральных форм составляет сложную и тонко разработанную систему взаимодействия языковых элементов. В этом отношении произведения Кирилла Туровского, крупнейшего религиозного писателя конца XII столетия, представляют несомненный интерес. Пользуясь большой популярностью в Древней Руси, Торжественные Слова, Молитвы и Проповеди средневекового автора служили образцами для русских книжников вместе с сочинениями лучших византийских писателей и оказали существенное влияние на развитие литературно-книжной нормы.

Несмотря на то, что тексты указанного автора содержат обширный языковой материал в плане глагольного формоупотребления и формообразования, произведения святого Кирилла, епископа Туровского до сих пор не являлись предметом специального историко-грамматического описания в данной области. Не рассматривались они и как важный источник по истории древнерусской письменности, хотя в этом отношении богослужебные книги и другие книги высокой церковно-религиозной литературы, по справедливому замечанию Р.И.Аванесова, «дают не меньший, если не больший материал, чем, например, грамоты и юридические документы» (1973: 10). Таким образом, **актуальность** диссертационной работы заключается в комплексном изучении временных форм глагола в текстах Кирилла Туровского.

Комплексный анализ темпоральных образований, включающий в себя исследование особенностей глагольного формоупотребления в плане содержания и в плане выражения, позволяет наиболее полно охарактеризовать функциональное использование словоформ глагола. В результате глагольное употребление предстает и как системно-грамматическое явление, образующее определенный «срез» древнерусской системы в целом, и как самостоятельная система форм, свойственная идеолекту Кирилла Туровского.

Научная новизна проявляется в самом подходе исследования: категория времени рассматривается не только как грамматический, но и как лингвостилистический феномен, как важная сторона художественно-религиозного сознания. Акцент на Божественной природе происходящего, постоянное обращение к евангельским сюжетам и выделение необходимых, значимых в них религиозных понятий приводило к насыщению текстов христианской символикой. В результате грамматическая форма

воспринималась не только как компонент определенной замкнутой грамматической системы, но и как конкретный элемент композиции, которая подразумевает связь с общим контекстом христианской культуры. Работа основывается и на новых теоретических принципах, включающих анализ опозитивных отношений в глагольном формообразовании.

Материалом для настоящего исследования послужили в основном древнейшие списки Торжественных Слов и Молитв Кирилла Туровского, датируемые XIII веком. Здесь можно назвать список Синодальной Кормчей 1282 года, пергаменный сборник сербского извода собрания П.С.Сречковича, в котором находится отрывок «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» и «Молитва во вторник по часах», а также сборник XIII века собрания Толстого, имеющий в своем составе ряд произведений святого проповедника, таких как «Слово о расслабленном», «Слово о слѣпцѣ», «Слово на Вознесение», «Слово памяти отецъ Никейского собора». Известен исследователям и сборник молитв (молитвослов или часослов) второй половины XIII века.

Предметом исследования является система личных глагольных форм времени. Различные причастные образования и описательные конструкции принимаются во внимание исключительно в соотношении с анализом указанных форм и специально не рассматриваются. Выбор именно личных темпоральных форм предопределяется тем, что они несут основную функциональную нагрузку в текстах Кирилла Туровского, выступая в качестве основных предикатов предложения. Что касается причастных и описательных форм, то они так или иначе анализировались в других научных трудах, в частности, достаточно полную характеристику такого рода конструкциям дает в своей работе В.Б.Кунавин (1993). Ограничение изучаемого материала объясняется и широтой фактических данных, связанных с грамматической категорией времени и требующих отдельного исследования.

Цель исследования - изучить употребление различных временных форм древнерусского глагола с учетом своеобразия их реализации в языке Торжественных Слов и Молитв Кирилла Туровского. Соответственно с целью решаются и конкретные задачи, связанные -

- с описанием темпоральной системы, представленной в текстах Кирилла Туровского;
- с определением функционально-семантической, синтаксической и стилистической специфики в использовании глагольных форм при рассмотрении их во взаимодействии с контекстуальной структурой произведений;
- с анализом формообразовательной структуры форм времени;
- с выявлением особенностей грамматического воплощения идеи времени в творениях изучаемого писателя.

- с изучением влияния тех или иных темпоральных аспектов на восприятие временных образований глагола.

Специфика диссертационной работы предполагает применение различных методов при непосредственном обращении к текстам Кирилла Туровского. Основным при изучении глагольных форм времени является комплексный метод исследования. Темпоральные образования, с одной стороны, рассматриваются на *синхронном срезе*, поскольку основным источником становятся отмеченные списки XIII века, опубликованные в Трудах Отдела древнерусской литературы И.П.Ереминым (1956, 1957, 1958). В связи с этим в работе широко используется *описательный метод*, позволяющий составить полную картину употребления глагольных форм времени в текстах Кирилла Туровского. С другой стороны, имеет место *диахронный подход*, так как те или иные Торжественные Слова и Молитвы Кирилла Туровского могли быть представлены и в более поздних списках XIV-XVI вв. (например, в диссертационной работе широко используется список Соловецкой библиотеки XV-XVI вв. №711/819, по которому печатаются молитвы древнерусского книжника в монографии Е.Б.Рогачевской). Привлекаются при исследовании и другие разновременные списки для выявления общей динамики развития темпоральных форм в плане содержания и в плане выражения, что обуславливает приемы *сопоставительного анализа*. Научные изыскания в области семантического изучения глагольных форм времени, определение их грамматического значения и его трансформации, исследование интегральных и дифференциальных сем в темпоральных образованиях при учете их непосредственной реализации в тексте предполагает *метод семного анализа*, а выявление специфики функционирования глагольных форм в зависимости от текстовой структуры произведения требует рассмотрения самих текстов *с точки зрения текстообразования*. Выяснение степени употребительности временных форм глагола и сравнение их количественных соотношений в Торжественных Словах и Молитвах Кирилла Туровского ведет к применению *статистического метода*. Привлечение большого объема материала, включающего в себя весь корпус Торжественных Слов и Молитв Кирилла Туровского, предопределяет *сплошную выборку* интересующих нас форм.

Теоретическая значимость диссертации выражается в многоаспектном подходе при изучении употребления глагольных форм времени в Торжественных Словах и Молитвах Кирилла Туровского. Темпоральные формы в указанных сочинениях не только детально описываются, но и анализируются с точки зрения различных лингвистических параметров. Так, обращается внимание на взаимодействие временной и видовой семантики в глаголе, на взаимозависимость лексического и грамматического значений, на контекстуальную обусловленность использования той или иной формы в творениях

древнерусского писателя. Исследуется связь тематического содержания произведений, их композиционной структуры и функционирования глагольных форм. Проведенное исследование вносит определенный вклад и в разработку некоторых теоретических вопросов исторической морфологии. Исходя из того, что эволюция темпоральной системы является диахроническим процессом транспозиции плана содержания и плана выражения в их диалектическом единстве (Журавлев, Лопушанская 1980: 6), указанные изменения рассматриваются через призму морфологических оппозиций и при анализе грамматического значения глагольных словоформ, и при анализе формальной структуры глагольных образований. Данный анализ оппозитивных отношений отражает новые теоретические принципы в современной диахронической морфологии.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что содержащиеся в ней положения могут быть применены при разработке специальных и общих курсов по исторической морфологии, исторической стилистике и истории русского литературного языка. Выводы, полученные в результате анализа текстов Кирилла Туровского, могут быть использованы историками языка при сопоставлении с данными других древнерусских памятников.

Апробация работы проводилась на Межвузовской конференции «Актуальные проблемы истории русского языка», посвященной 70-летию проф. В.М.Маркова - Казань, КГУ, 8-10 апреля 1997 года; на Международной научной конференции «Филология на рубеже тысячелетий» - Ростов-на-Дону, РГУ, 11 - 14 сентября 2000 года; на Богословской конференции «2000-летние традиции христианства в богословии, истории и культуре» - Казань, КГУ, 18-20 октября 2000 года; на итоговых научных конференциях КГУ 1998-2000г., а также при обсуждении на заседаниях кафедры истории русского языка и языкознания КГУ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка использованной литературы.

Содержание работы.

Во **Введении** дается обоснование выбора и актуальности темы, отмечается научная новизна диссертации, приводится обзор литературы по интересующей проблематике и устанавливается степень ее изученности, указывается объект исследования, определяются цели и задачи работы, методы анализа материала, теоретическая и практическая значимость исследования.

В **главе 1 «Функционально-семантический анализ глагольных форм времени в произведениях Кирилла Туровского»** на основании данных, представленных изучаемым материалом, выявляются доминантные признаки и всевозможные транспозиционные значения временных форм.

Отмечается функциональная дифференцированность глагольных образований, обусловленная грамматическим значением самой формы, тематическим содержанием произведений и авторским замыслом.

В разделе 1. 1. «Понятие грамматического значения» дается характеристика компонентов грамматического значения (обобщенного, основного и частного). Указывается, что выявление грамматического значения (семемы) морфологической формы состоит в охвате всех ее основных и зависимых компонентов (сем) и присущих ей функций. Особое внимание уделяется связи грамматического значения (далее – ГЗ) темпоральной формы с другими уровнями смысловой структуры глагола, в частности, с ее лексическим значением. Учитывая то, что глагольная лексика объединяется в лексико-семантические группы (ЛСГ), а ЛСГ являются наиболее крупными структурно-семантическими единицами лексической системы древнерусского языка (Клименко 1993: 42), анализ связи лексического и грамматического значения проводится на основании взаимодействия определенной ЛСГ и темпоральной формы глагола.

Суммируя все наши наблюдения, отметим, что ЛСГ глаголов бытия и положения в пространстве, а также ЛСГ глаголов восприятия органами чувств и мышления были характерны для презентных образований; ЛСГ глаголов отвлеченного действия и ЛСГ глаголов движения и перемещения в пространстве – для форм аориста и имперфекта; ЛСГ глаголов отвлеченного и физического действия, а также психического и эмоционального состояния занимали лидирующее место в образованиях сложных претеритов. Фиксируется и широкая употребительность темпоральных форм от глаголов ЛСГ речи. Возможность образования любой темпоральной формы от глаголов говорения устанавливается самой структурой произведений Кирилла Туровского, включающих в себя цитаты из сочинений отцов церкви и Священного Писания, постоянные обращения к Божественному Началу и к слушателям (читателям).

Необходимо подчеркнуть, что лексическое наполнение контекстуального пространства произведения и распределение глагольных форм времени зависит в текстах Кирилла Туровского и от жанровой природы произведения. В процентном отношении словоформы глагола представлены в произведениях Кирилла Туровского следующим образом:

Временные формы	Цикл Слов	Цикл Молитв
Аорист	23, 3 %	28,6 %
Имперфект	6, 7 %	0, 2 %
Эловые формы	9, 05 %	6, 2 %
Плюсквамперфект	0, 95 %	0 %
Настояще-будущее	60 %	65 %

Приведенные факты свидетельствуют, что размещение и дифференциация темпоральных форм в Торжественных Словах и в Молитвах приблизительно одинаковы. Частотность форм настоящего-будущего времени в произведениях Кирилла Туровского обуславливается тем, что формы настоящего и будущего времени наиболее соответствовали содержанию его текстов, представляющих собой молитвенные обращения к Богу, покаяние в своих грехах, прославление того или иного христианского праздника и т. д. Незначительное увеличение процентного соотношения претеритальных форм в Словах Кирилла Туровского (ср.: в общей сложности 40% - Слова; 35% - Молитвы) было вызвано притчевым характером некоторых его произведений и частым обращением к различным евангельским эпизодам с целью поучения, наставления и т.п.

В разделе 1. 2. «Функционально-семантический анализ глагольных форм прошедшего времени в произведениях Кирилла Туровского» выявляется специфика употребления претеритальных форм в Торжественных Словах и Молитвах древнерусского писателя. Исследуемый материал показывает, что наиболее частотными являются формы аориста, которые в Торжественных Словах Кирилла Туровского, встречаются как в прямой речи (диалоги и монологи библейских персонажей), так и в авторской, состоящей в пересказе евангельских событий и комментариях к ним. В Молитвах древнерусского писателя использование аористных форм было характерно при упоминании деяний Бога, Богородицы или святых апостолов, а также в покаянных фрагментах, связанных с раскаянием в «греховном прошлом» молящегося. Именно данные глагольные формы, наряду с презенсом, являлись основными текстообразующими компонентами текстовой структуры произведений древнерусского писателя.

Нужно отметить, что презенс и аорист достаточно тесно взаимодействуют друг с другом в произведениях Кирилла Туровского, хотя ГЗ указанных темпоральных образований способствуют их дифференциации в тексте: *Бго же вся тварь трепещет земля ни на чемъ держится море пѣском оградися рѣкам простресе вода на въздусѣ виситъ небо яко лүкъ преклонися солнце не престаа горитъ и лүна съ страхом сіаетъ и звѣзды хытростью текутъ* (Молитвы, 109).

В этом примере, несмотря на то, что формы презенса и аориста перемежаются между собой, ГЗ этих форм разграничивает их употребление. Формы презенса в данном случае, выражая значение настоящего-постоянного, используются для обозначения неизменных характеристик, свойств того или иного субъекта или объекта, формы аориста ставятся тогда, когда нет указания на постоянно происходящее действие.

Формы имперфекта характеризуют, главным образом, процесс протекания действия, представленного различными его способами (многократности, обычности, повторяемости и т.д.).

В первую очередь обращает на себя внимание использование форм имперфекта и презенса в однотипных синтаксических конструкциях, что выдает семантическое сближение (но не совпадение) плана содержания настоящего времени и плана содержания имперфекта, см: *Они же ўбо изъбывше телесныя работы, понавляху празднующе день опрѣсночный, мы же Владыко спасени от работы мысленаго фараона дьявола, понавляем побѣдный на враги день* (ТОДРЛ, 13, 416). Отмеченная тенденция находит свое отражение и в морфологических заменах презентных и имперфектных образований: *сѣмже точью единѣ(м) бѣ не разѹмѣнѣ, понеже не боять(с)ѣ бѣства, ни ратна(г) держаше врѹжя* (Уваров, 79, по сп. Зл. Цепь рук-си Троицк. Лавры, XIV в.), ср.: *си(м) же точно не бѣ разѹмѣнѣ, поне(ж) не бояше(с)ѣ бѣжества, ни ратнаго держаше врѹжня* (Уваров, 79, по сп. № 740, Q, XVI в.).

Интересным представляется и то, что появление форм имперфекта зачастую сопровождается наличием в контексте либо неопределенного местоимения: *Предстояшетъ же емѹ нѣкто красен и высок, на твердѣмъ камени питая и вино черпая* (ТОДРЛ, 12, 348); *В нѣкоемъ градѣ бѣаше царь зѣло кроток, благ же и милостив* (ТОДРЛ, 12, 348); либо имперфектного аориста, выступающего и отдельно, и в описательных конструкциях: *Чим же единѣм не бѣ разѹмен?* - *Понеже не тако печашеся о дѹши, яко же о телеси* (ТОДРЛ, 12, 349); *Над сим бѣ храм, пять притвор имѣя, и тѹ лежаше множество болящих* (ТОДРЛ, 15, 332) и др.

В Молитвах Кирилла Туровского формы имперфекта практически не встречаются. Единственная форма имперфекта указывает на продолжительность действия в определенном промежутке времени (граница временного отрезка устанавливается аористами) и выполняет функцию детализации: *преданъ бысть иноплеменику в казнь еже в сосѹдѣ мѣдянѣ заключиша и яко скотѣ травю пѣтахѹся* (Молитвы, 92). Лимитированность данных темпоральных образований предопределялась изначально уже языком Молитв, для которого была характерна либо простая констатация фактов, либо результативность совершившихся в прошлом действий. Поэтому в молитвословиях святого Кирилла отмечается предпочтение тех глагольных форм прошедшего времени, которым было свойственно выражение действий, не требующих каких-либо дополнительных оттенков.

Изучение семантики бывшего перфекта показывает, что данная глагольная форма могла использоваться как для передачи своей исконной семантики, так и для выражения значения, свойственного аористным формам, в отличие от плюсквамперфекта, который выступал, главным образом, в своем исконном значении (предшествование с актуальными

последствиями в последующем плане). Для глагольного формоупотребления в сочинениях Кирилла Туровского характерно редкое применение плюсквамперфекта и низкая функциональная значимость.

В целом функциональное распределение глагольных форм в сочинениях святого проповедника зависело от разных составляющих. Выполнение формами глагола той или иной функции могло быть связано с тем, насколько данная форма была распространена в текстовом пространстве произведения, насколько она отвечала тематическому содержанию контекста и авторскому замыслу. Непоследнюю роль в распределении темпоральных форм играло и их ГЗ. Так, аористу, передающему нейтральное глагольное действие, относившее события в план прошлого без каких-либо дополнительных характеристик, свойственны констатирующая и комментирующая функции. Превалирование в количественном отношении над другими претеритальными формами и активное участие в структурной организации текста обусловили выполнение ритмикообразующей функции. Имперфект, характеризуя процесс протекания глагольного действия, осуществлял в тексте изобразительную функцию и функцию детализации. Эловые формы, зачастую пересекаясь в семантическом плане с аористами, совпадали с данными глагольными формами и в функциональном плане (информационная функция).

В разделе 1. 3. «Характеристика семантических отношений в оппозиции аорист : имперфект» изучается модификация противопоставления простых претеритальных форм в плане содержания на основании оппозитивного анализа, принятого в современной диахронической морфологии. Особое внимание к данным глагольным формам было вызвано тем, что формы аориста и имперфекта претерпели значительные изменения по сравнению с исходным состоянием. Первоначально формы простых претеритов, разграничиваясь в функционально-семантическом плане, вступали в оппозитивные отношения, в которых формы аориста и имперфекта противопоставлялись друг другу во временном плане. Имперфект в данном случае выступал как маркированный член оппозиции, составляя с аористом одно грамматическое целое и дополняя его по временному признаку. В результате противопоставление простых претеритов другим глагольным формам происходило через призму одного из членов оппозиции. Наличие конкретного грамматического значения выражало семантические отношения между указанными формами в исконном состоянии.

Разрушение временной оппозиции простых прошедших времен и расширение сферы их грамматического значения привели к семантическому сближению простых претеритов с бывшим перфектом, обусловили десемантизацию (деморфологизацию) первоначальной оппозиции «аорист : имперфект» и предопределили возможность появления новых морфологических оппозиций «аорист : эловая форма», «имперфект : эловая

форма», «аорист : имперфект». Последняя оппозиция строилась уже на ассоциации простых претеритальных форм с теми или иными аспектуальными значениями (аорист ~ совершенный вид, имперфект ~ несовершенный вид).

Возникновение новых оппозитивных отношений между глагольными формами аориста, имперфекта и бывшего перфекта обусловило конкуренцию данных глагольных форм, которые, совпав в семантическом плане, стали восприниматься исключительно как грамматические дублеты. Дифференцируясь лишь в стилистическом плане, простые претериты приобретали новое содержание в книжном языке, выступая как маркированные члены оппозиции.

В разделе 1. 4. «Функционально-семантический анализ презентных и футуральных форм в произведениях Кирилла Туровского» отмечается, что формы настоящего-будущего времени (Н-Б), преобладая в количественном отношении над другими глагольными формами, представляют основное грамматическое время в текстах древнерусского автора. Указывается, что предпочтение презентных форм было обусловлено прежде всего жанровой спецификой произведений святого Кирилла: постоянное обращение к слушателям и молитвенные беседы с Богом, стремление приблизить события ветхо- и новозаветной истории к своим современникам и осмысление их не только и не столько как совокупности фактов, совершенных в далеком прошлом, сколько как событий, имеющих непреходящую ценность и важность для настоящего момента, предопределяло выбор именно форм Н-Б времени.

В силу своего обобщенного категориального значения, указывающего на ситуацию, не локализованную во времени, анализируемые образования начинают соотноситься с «вечным», «всздесущим» планом Божественного Бытия. В результате настоящее-постоянное, настоящее-вневременное, представляющие семантику этой формы в самом широком смысле этого слова, являются типичными грамматическими значениями презенса в творениях Кирилла Туровского. Например: **О блаженни и преподовнии Святители! Чистин съсуди, Божие Слово в собѣ носяще! Красныя обители, в них же Святая почиваетъ Троица!** (ТОДРЛ, 15, 348). В данном случае форма настоящего времени **почиваетъ** выражает значение вневременности, подчеркивая тем самым вечность и непреходящесть Божества, его Тринитарной Сущности. Причем семантически данная глагольная форма осложняется соотносительностью с таким понятием, как «вечная жизнь».

Достаточно распространенным явлением у Кирилла Туровского становится употребление настоящего при описании евангельских событий. С помощью форм презенса акцентируется внимание слушателей на «непреходящесть» фактов Священной истории и усиливается выразительность, «картинность» описываемых сюжетов. Однако здесь важно

учитывать тот факт, что сами библейские события относятся к плану прошлого, хотя и воспроизводятся у Кирилла зачастую как современные настоящему моменту. Такое применение презенса позволяет говорить об использовании указанных форм в значении настоящего исторического, или *praesens historicum*. Употребление настоящего в его переносном значении служит для реализации авторского замысла: *praesens historicum* отмечается в тех случаях, когда святому Кириллу важно выделить тот или иной момент, заострить на нем внимание. Отличительным признаком настоящего исторического является выражение грамматического значения настоящего и контраст между этим грамматическим значением и отнесением действия к прошлому моменту.

Проведенный анализ показывает, что формы презенса, обладая большими изобразительными возможностями и экспрессивными качествами, в целом способствовали созданию живописности и яркости повествования в Торжественных Словах святого проповедника и наличию сильной интенциональности в молитвословных творениях Кирилла Туровского.

Использование футуральных форм у древнерусского писателя характерно для монологической и диалогической речи евангельских персонажей, а также при прямом цитировании библейских текстов, в которых отмеченные глагольные формы выступают как функционально значимые единицы текста и являются его опорными компонентами. Формы будущего времени употребляются и в пояснительной части, если контекст связан с темой Страшного Суда. В данном случае футуральные образования приобретают оттенок отдаленного будущего («далекого будущего»), осмысленного в перспективе либо грядущей кары за содеянное, либо грядущего Воскресения:

Бгда же придетъ обновити землю и въскресити вся умершая, яко же сам Бог преже глагола, тогда вси сѣци в гробѣхъ услышатъ глас Сына Бржия и оживутъ, изидутъ створше благая въскресения живота, а створши злаа - въскресения суда. Тогда во дѹши наши в телеса выидутъ и примутъ възданне каждо по своимъ дѣломъ - праведници в вѣчнѹю жизнь, а грѣшници в бесконечнѹю смертнѹю мѹку, ими же согрѣшитъ кто, тѣмъ и мѹченъ бѹдетъ (ТОДРЛ, 12, 347).

Еще одна форма - *futurum exactum* - у Кирилла Туровского встречается крайне редко (нами зафиксировано всего две формы). В первом примере форма преждебудущего приобретает модальный оттенок (пожелания): **по призи Владычице на мя ѹнылаго ѹмоли рожшагося от Тебе да не предасть бѹдѹ въ жревіи грѣшныхъ** (Молитвы, 112); во втором - выступает в качестве однородного члена с описательными (перифрастическими) формами будущего времени (**изгнанъ бѹдѹ, связанъ и предасть бѹдѹ**), представляющими собой сочетание глагола **бѹдѹ** со страдательным причастием и, фактически, приравниваясь в семантическом плане к

последним. В результате *futurum exatum* удерживает связь с планом будущего, но изменяет несколько свою темпоральную семантику, выражая значение статального пассива: *все бо можешн елико хоцешн твориши якоже велико величество Твое тако милость Твоя бесчислена есть осияни мѣ мною злобою ѹмерщвенъ да не до конца обыметь мя темныи князь жадаіем плотскимъ къ своему хотѣнію работати нѹдѣтъ мя не малыя ради сладости вѣка сего от святаго Твоего чертога изгнанъ буду и связанъ по рѹцѣ и по нозѣ и негасимому огню предаѣ буду* (Молитвы, 133).

Ограниченное употребление данной глагольной формы, подвижность ее темпоральной семантики, пересекающейся с различными модальными оттенками, способствует снижению ее функциональной нагрузки в тексте и обуславливает ее неустойчивость в парадигме времен древнерусского языка (Кунавин 1993: 28).

Что касается аналитической формы будущего времени, то выражение футуральной семантики среди сложных форм было свойственно исключительно образованию «*имамъ+инфинитив*». Формы типа «*хочю + инфинитив*» и «*начну + инфинитив*» у Кирилла Туровского не имеют собственно значения будущего времени, а являются свободными синтаксическими сочетаниями модального глагола с инфинитивом. Использование лишь указанной аналитической формы для передачи значения будущего времени было типичным для оригинальных древнерусских по происхождению книжно-литературных памятников (Миронова 1989: 19), поэтому использование отмеченных образований в произведениях Кирилла Туровского отражает общую картину функционирования глагольных форм будущего аналитического в литературных текстах Древней Руси.

Глава 2 «Грамматическое воплощение идеи времени в произведениях Кирилла Туровского» посвящена рассмотрению понятия «идеи времени», ее христианской интерпретации. Художественное воплощение идея времени обретает на протяжении всего текстуального пространства произведений Кирилла Туровского с помощью различных языковых средств. Таким образом, оно объединяет в себе все параметры лингвистического времени.

Раздел 2. 1. «Понятие лингвистического времени» предусматривает философско-методологическое обоснование концепции художественного и лингвистического времени. Отмечается, что основной составляющей лингвистического времени является морфологическое время, характеризующее изучаемую категорию специальными морфологическими средствами языка. Главным выразителем этого времени становится система темпоральных форм, и именно анализ глагольного времени является центральным при исследовании лингвистического аспекта. Подчеркивается,

что функционирование глагольных форм в качестве опорных частей текста содействует раскрытию различных смыслов и символов в содержательном пространстве литературных произведений и в составе идей самого автора.

В разделе 2. 2. «Морфологический аспект времени в Торжественных Словах Кирилла Туровского» грамматические формы анализируются во взаимодействии с лексическим, синтаксическим, контекстуальным и символическим параметрами текста. Указывается, что все сочинения Кирилла Туровского, начиная с общей замкнутости текстового пространства-времени на круг, пронизаны символизмом. Для достижения наибольшей силы символического звучания текста у Кирилла Туровского наблюдается обращение к особому типу построения текста. Это выражается в том, что организация текстового пространства произведений Кирилла Туровского связывается с сакральной числовой символикой, принятой в средневековой христианской культуре и ассоциирующей с феноменом христианского нумерологического мистицизма (Кириллин 2000: 45). Ведущее место здесь занимают триадические конструкции, соотнесенные как с числом Божественной Троицы, так и с понятием о совершенном числе, идеально передающим ступени динамического процесса (начало - развитие - конец). Данная числовая значимость отражалась на всем текстоблоке, начиная с его организационной структуры и определенного количества глагольных словоформ и кончая его лексическим наполнением. Обращение к такого рода построению текстов способствовало достижению наибольшей силы символического звучания текста в произведениях Кирилла Туровского.

В исследованном материале отмечается и такое явление славяно-киевской письменности, как совмещение презентных и претеритальных форм при описании событий Священной истории. Возможность такого использования глагольных форм была обусловлена тем, что все происходящее в Библейской истории, воспринималось не только как факт прошлого, но и как факт настоящего, не ограниченного временными рамками и сопряченного вечности. Вследствие этого с точки зрения человеческой истории презентные и претеритальные формы выражали определенное следование глагольных действий, на что было важно указать при разграничении тех или иных эпизодов; с точки зрения вечности, все события происходили в одной плоскости.

В разделе 2. 3. «Морфологический аспект времени в молитвословных произведениях Кирилла Туровского» определяется своеобразие категории времени в молитвословных сочинениях, отличающихся от времени Торжественных Слов, проповедей, притч и других жанров церковной литературы. Главное время молитвы - *время моления*, выраженное грамматическим настоящим (личными и причастными формами глагола), показывает, что действия, совершающиеся в данный момент, в момент произнесения слов мольбы, с одной стороны, совершаются всегда и не имеют временных границ, с другой стороны - акцентирует внимание человека на

важности именно этого мгновения обращения к Божественному, требующего сосредоточенности и углубления в себя. Например, уста недостойна вопіють к Тебѣ и душа сквернава молится сердце нечисто из глубины въздыхаеть (Молитва во вторник по утрени, с. 107).

Представляя собой индивидуальную форму общения с Богом, Молитвы имеют достаточно ярко выраженный личностный характер, что обуславливает употребление многочисленных глагольных форм в 1 лице ед.ч. и мн.ч.

В молитвословных сочинениях Кирилла Туровского отмечаются также троичные и двоичные построения, опорными компонентами, в которых выступают глагольные формы. Данные конструкции могут носить и простой характер, складывающийся из троичных или двоичных синонимических рядов, и более сложный, заключающийся в синтаксическом параллелизме предложений (в удвоении или утроении формульных сочетаний, в эвфонизации глагольных флексий и т.д.). В качестве иллюстрации последнего аспекта возьмем следующую текстовую блок-схему:

свѣсть во ми душа дѣянїя

1(1)яже створихъ въ мимошедшее время живота моего

2(1)и до сего дне плотскими похотми облекохъ

3(1)и вся чювьствїа моя дүшевнаа и тѣлесная осквернихъ

того ради ѹны въ мнѣ дүхъ мой

2(1)трепещутъ ми съставы

2(2)и үжасаетъ ми ся сердце

3(2)изнемогаетъ ми языкъ (Молитвы, с.116).

Первая триада состоит из глаголов, выражающих последовательность действия; причем последний член триады является как бы результатом предшествующих действий. Основная часть троичного блока (тема) определяет вечное начало (душа), что передается формой презенса; первая, вторая и третья части - связаны с «мимошедшим», «преходящим» временем и оформляются с помощью претеритальных форм, акцентирующих внимание на том, что все действия, имеющие отношение к «падению человека», к его «греховности», отражают прошлое состояние молящегося. Вторая триада, включающая в свой состав глаголы настоящего времени, выражает состояние человека в момент молитвы (страх перед небесной карой и раскаяние). Нужно отметить и тот факт, что весь триадический блок строится на раскрытии троичского образа человека (дух - душа - тело), что в целом было свойственно христианским представлениям.

Использование большого количества триадических и бинарных конструкций в Молитвах и в Торжественных Словах изучаемого автора позволяет сделать вывод о том, что указанная организация текстовых блоков

выступала как специфическое художественное средство в произведениях Кирилла Туровского.

3. Глава «Формообразовательный анализ глагольных форм времени в произведениях Кирилла Туровского» посвящена изучению производства темпоральных форм, которое проводится на основании морфологического противопоставления форм времени (морфологические оппозиции). Формообразовательный анализ предполагает наличие двух этапов, включающих в себя расчленение изучаемой словоформы на две части (формообразующую основу и окончание) и раскрытию сходства и различия тех или иных оппозиций, что предопределяет структуру главы.

В разделе 3. 1. «Соотношение глагольных основ в произведениях Кирилла Туровского», подчеркивается, что любая древнерусская глагольная форма включает в себе не только выражение отношения действия к моменту речи или к другому действию, но и характеристику протекания действия во времени. В результате каждая глагольная форма включается в две системы противопоставления (видовую и временную).

Учитывая тот факт, что темпоральная система в древнерусский период XI – XIV вв. подвергалась значительной перестройке, а система видов находилась лишь на стадии своего становления, особое внимание уделяется вопросам, связанным с анализом взаимодействия временной и видовой системы, а также вопросам, связанным с генезисом глагольного вида и с характеристикой степени развитости видовой системы в изучаемый период. Колебания в выборе глагольных основ и морфологические замены для уточнения видового значения глагола позволяют сделать вывод, что видовое противопоставление глагольных форм, хотя и осознавалось в семантическом плане, не было еще четко выражено в формальном отношении.

Представленный в текстах древнерусского писателя фактический материал указывает на то, что большинство темпоральных форм глагола образуется либо только от презентной основы (формы настоящего-будущего времени), либо только от аористной основы (формы на -лѣ, входящие в состав перфекта, плюсквамперфекта и преждебудущего времени). Соотношение же презентной (О₁) и аористной (О₂) основы в глагольных формах может определяться в данном случае как совпадением, так и дифференциацией временных основ, приводящих к их формальному варьированию (см.: О₁ = О₂: *нес-ѹ* - *нес-лѣ*; но О₁ ≠ О₂: *зов-ѹ* - *зва-лѣ*).

Исключение составляют простые претеритальные формы, в которых отражается отсутствие единообразия в производстве аориста и имперфекта в древнерусский период. Это проявляется в возможности образования одной и той же формы (аориста или имперфекта) в темпоральном плане и от основы презенса О₁: *погубѣша* (ТОДРЛ, 12, 350), *взидѣ* (ТОДРЛ, 13, 415); *понавляху* (ТОДРЛ, 13, 416), и от основы аориста О₂: *помилова* (ТОДРЛ, 12,

356); *шестьвоваху* (ТОДРЛ, 13, 410); в видовом отношении – от имперфективной основы (*разумѣша* (ТОДРЛ, 13, 410), *плеваху* (ТОДРЛ, 12, 359); и перфективной основы (*воскресоша* (ТОДРЛ, 13, 413), *ѡрѣяху* (Уваров., 36). В последнем случае в связи с формированием категории глагольного вида определяется стремление к видовой дифференциации простых прошедших времен, что находит свое выражение в тяготении аориста к перфективным основам, а имперфекта – к имперфективным

Обращает на себя внимание наличие видовых пар (типа *помолиса - моляхся*) и параллельных образований, среди которых можно выделить группу аористов, имеющую параллели среди аористов, отличающихся только одним формообразующим средством (типа *рече - прорече*); группу имперфектов с аналогичными критериями выделения (*дающе - предающе*); и группу аористов, имеющую параллели среди имперфектных форм (*дасть - дадашесть*).

В перфектных и плюсквамперфектных формах параллельных образований не обнаружено. Выделяется группа глаголов, образованных либо только от перфективной основы: *содѣял еси* (ТОДРЛ, 12, 342); *дунѣлъ бѣ* (ТОДРЛ, 13, 414); либо только от имперфективной основы: *долготерпѣлъ* (Молитвы, 146), *лежало бѣ* (ТОДРЛ, 13, 423).

Таким образом, в плане формообразования намечается взаимодействие двух типов противопоставления глагольных основ (по виду и времени), которое обнаруживается в тех формах, где при отсутствии дифференциации основ во временном плане, закрепляется видовое различие (причастие на - лъ,), и их конкуренция, отмечающаяся в тех формах, в которых привативное противопоставление основ внутри одной системы (например, в системе простых прошедших времен) затрудняло использование складывающихся видовых моделей и усложняло их формирование (Лопушанская 1975: 24 - 25).

В разделе 3. 2. «Соотношение глагольных основ в формах настоящего-будущего времени» отмечается, что формы настоящего-будущего времени в темпоральном отношении характеризуются исключительно образованием от презентной основы. Это является типичным не только для древнерусского, но и для русского языка на современном этапе его развития. Интерес представляет в данном случае анализ производства настоящего-будущего в аспектуальном плане: тяготение формы презенса к той или иной видовой основе, как известно, сыграет немаловажную роль при грамматическом разграничении настоящего и будущего простого, поэтому установление соотношенности форм настоящего-будущего времени с той или иной видовой основой является необходимым звеном в формообразовательном анализе глагольных форм времени.

В текстах Кирилла Туровского встречаются а) формы настоящего-будущего времени, образованные от имперфективных основ и имеющих

значение настоящего времени; б) формы настоящего-будущего времени, образованные от перфективных основ и имеющих футуральное значение; в) формы настоящего-будущего времени, образованные от имперфективных основ и имеющих значение будущего времени; г) формы настоящего-будущего времени, образованных от перфективных основ и имеющих значение настоящего времени.

В результате формы настоящего-будущего времени отличались от тех или иных глагольных форм прошедшего времени образованием исключительно от основы презенса и возможностью производства этих форм от любой видовой основы. Отмеченные особенности позволяют сделать вывод не только об отсутствии дифференциации в грамматическом плане форм настоящего-будущего времени, но и о наличии в древнерусском языке еще недостаточно развитой и неупорядоченной системы средств выражения видовых различий.

Раздел 3. 3. «Соотношение личных претеритальных форм». Данные изучаемого материала показывают, что корреляция аориста и имперфекта в 1 и 2 лице ед.ч., а также 3 лице дв.ч. представлена достаточно слабо, а в 1 лице мн.ч. и дв.ч. и 2 л дв.ч. вообще отсутствует. Наличие достаточно четкой оппозиции суффиксально-флексивного показателя отмечается лишь в формах 3 лица ед.ч. мн.ч.: $\emptyset \sim \text{ше}$; $\text{ша} \sim \text{ху}$, что способствовало более долгому сохранению этих форм в отличие, например, от форм 1 лица, в которых формы аориста и имперфекта могли полностью нейтрализоваться от некоторых групп глаголов. Материальная выраженность, четкая дифференцированность и морфологически правильное использование суффиксально-флексивных показателей в аористе и имперфекте в 3 лице ед.ч. и мн.ч. говорит о сохранении парадигматических отношений в этих личных формах. Встречаются лишь два случая смещения личных форм, приводящих к потере согласования с подлежащим в лице и числе: **Измышаша во храм его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша доводѣтелю, накалиша во жертвными въздыхании** (Белгород. отр. XIII в.); **Предстояша же ему нѣкто красен и высок** (сп. №740, Q, XIV в.).

Приведенные примеры все же констатируют определенные сдвиги в соотношении аористов и имперфектов в 3 лице, что связывается с утратой простых претеритальных форм к XIII-XIV вв. из народно-разговорного языка. Однако немногочисленность такого рода употреблений позволяет нам сделать вывод, что тексты Кирилла Туровского удерживают архаичную систему прошедших времен в более или менее неизменном виде, что дает возможность составить представление о состоянии данной системы в конце XII столетия.

Рассматривается и использование надставочного элемента **-ть** в имперфектных образованиях, появление которого в некоторых примерах фиксируется в конструкциях с прономинальной составляющей (**и не**

имяхуѣ имъ вѣры - ТОДРЛ, 13, 413; а невѣровахуѣ ему - Уваров, 36; но недадашеть имъ познати - Уваров, 45). Показательно и то, что формы имперфекта образуются как от основы аориста, так и от основы презенса, что, наряду с единичным случаем замены имперфекта презентной формой (Многи по всѣмъ Палестинѣ створи чюдеса, и невѣровахуѣ ему, но противу благодати хуляхуѣ (хулять) льстеца, его же блазнителен нарицающе - ТОДРЛ, 15, 331), позволяет говорить о влиянии презентных форм на возникновение надставочного элемента. В результате формы имперфекта, приобретая маркированное окончание в третьем лице ед.ч и мн.ч., «отталкиваются» от аористных форм, имеющих нейтральную флексию.

Материал, представленный текстами Кирилла Туровского подтверждает вывод В.К.Журавлева, который видит историю развития славянской оппозиции аорист : имперфект в плане формообразования в последовательной унификации инвентаря личных окончаний при общей тенденции к усвоению единой глагольной основы (1991: 72).

В Разделе 3. 4. «Соотношение личных презентных форм» устанавливается, что в атематических глаголах тексты Кирилла Туровского отражают сохранение исконных флексий личных форм. Незначительные изменения в фонемной структуре суффиксально-флексивных показателей явились следствием падения редуцированных, осуществившегося в XII - первой половине XIII века. Характерным для текстов Кирилла Туровского является и предпочтение в 1 лице ед.ч. формы архаического перфекта вѣдѣ от атематического глагола вѣдѣти, которая адекватна у Кирилла Туровского значению «знаю» и, фактически, ничем не отличается от другого образования глагола вѣдѣти - вѣмь. Сравним примеры: вѣдѣ бо, яко не сѣть от премудрости, но от грубости снѣ сказанія (ТОДРЛ 12, 346); и вѣмь бо Тя от Бога прѣимиша область вязати и рѣшити грѣхы (Молитвы, 119). Вероятность появления перфекта вѣдѣ в новой функции презенса обусловлена тем, что старая перфектная форма была связана в плане содержания с настоящим временем. Однако само производство этой формы предполагало достаточно большое сходство с формой аориста в 3 лице ед.ч., что в более поздних списках XVI века приведет к заменам формы вѣдѣ формой аориста видѣ (видѣ).

В атематических глаголах представлены как изменения исходного состояния глагольных форм, так и случаи удержания исконной морфологической структуры. К последним можно отнести формы 1 и 2 лица ед.ч., а также формы 2 лица мн.ч. Частный характер носит изменение флексивного показателя в 1 лице мн.ч. в формах настоящего-будущего времени, которое проявляется в ряде случаев в смягчении конечного согласного (например, молимъ (Молитвы, 95); но: всылаемъ (Молитвы,

143). Формы 3 лица ед.ч. и мн.ч. представлены в трех видах – с флексией **тъ**, с флексией **тъ** и с опущением окончания.

Раздел 3. 5. «Особенности формообразования аналитических темпоральных форм». К аналитическим формам времени относятся формы плюсквамперфекта, формы преждебудущего времени и формы будущего сложного времени; сюда же мы отнесли и формы бывшего перфекта, которые, хотя уже претерпели определенные изменения в семантическом плане, но еще сохраняли исконное строение. В произведениях Кирилла Туровского довольно отчетливо обнаруживается исходное состояние этой формы, имеющей аналитическую структуру.

Необходимо подчеркнуть, что плюсквамперфект и *futurum exactum*, равно и как бывший перфект, являются близкими в структурном отношении формами, так как во всех отмеченных образованиях фиксируется сочетание вспомогательного глагола с *формой причастия на -лъ*. Дифференциальный признак первоначально заключался лишь в передаче различных временных планов связочными глаголами (**бѣхъ [бѣахъ]**; **есмь** и **бѹдѹ**).

В древности зловые причастия в этих сочетаниях выступали как именные образования, обозначающие качество субъекта, и выполняли в предложении функцию именного сказуемого (Ломтев 1952: 230; Потебня 1958: 256). Лишь позднее данные глагольные формы получили возможность передавать свои специализированные значения. Вследствие совпадения второго компонента сложной формы отношения противопоставленности между формами плюсквамперфекта, перфекта и преждебудущего, если исходить из точки зрения С.П.Лопушанской (1990), складывались с помощью связочного глагола, который в формообразовательном плане составлял определенные морфологические оппозиции:

1 л. ед.ч. (**бѣахъ (бѣхъ) + лъ**) : (**есмь + лъ**) : (**бѹдѹ + лъ**);

2 л. ед.ч. (**бѣаше + лъ**) : (**еси + лъ**) : (**бѹдешн + лъ**);

3 л. ед.ч. (**бѣаше + лъ**) : (**естъ + лъ**) : (**бѹдетъ + лъ**); и т.д.

Тексты Кирилла Туровского отражают уже отсутствие каких бы то ни было оппозиций в аналитических формах глагола. Так, все случаи (6) употребления форм плюсквамперфекта представляют собой сочетание злого причастия с имперфектным аористом в третьем лице ед.ч. (**бѣ + лъ**): **бѣ лежало** (ТОДРЛ, 13, с.423); **воцарилъсѧ бѣ** (Уваров, 51); **оустроилъ бѣ** (Ув., 65); **бѣ видѣл** (ТОДРЛ, 13, с.417). **окружила бѣ** (ТОДРЛ, 12, 357); **бѣ дѹмѹл** (ТОДРЛ, 13, 414); примеры с *futurum exactum* представляют эту глагольную форму исключительно в первом лице ед.ч. **не предалъ бѹдѹ** (Молитвы, 112 **предалъ бѹдѹ** (Молитвы, 133). Единичность данных образований, выступающих в определенных личных формах не предполагает отношений противопоставленности и внутри самих глагольных форм

(например, в оппозиции, построенной на различении единичности : множественности).

Еще одно аналитическое образование - форма будущего сложного, состоит из сочетания «*имать*, или *имам* + инфинитив» от перфективной основы»: *имать донти* (ТОДРЛ, 12, 341); *не имам сътворити* (Молитвы, 92). Данные формы, отличаясь от современного будущего сложного, в котором представлено сочетание глагола *быти* в будущем времени с инфинитивом от *имперфективной* основы, свидетельствуют об отсутствии четко выраженного формального противопоставления глагольных основ по виду.

Таким образом, изучение материала в трех взаимосвязанных направлениях, включающих в себя функционально-семантическую дистрибуцию глагольных форм времени, текстово-стилистическую аранжировку темпоральных образований и исследование их формально-грамматической природы, позволяет сделать вывод о том, что тексты Кирилла Туровского отражают как общие, так и частные тенденции в употреблении глагольных форм. Проявление указанных общих и частных тенденций в текстах Кирилла Туровского представляют несомненный интерес с исторической точки зрения, так как дают возможность составить общую картину функционирования и восприятия глагольных форм времени в Древней Руси.

В **Заключении** обобщаются наблюдения и выводы диссертационного исследования в соответствии с представленными в начале работы целями и задачами.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Меречина С.И. Система прошедших времен в русских повестях конца XIV - начала XV века // Актуальные проблемы истории русского языка. - Казань.: КГУ, 1997. - С. 53-54.
2. Меречина С.И. К вопросу о функционировании глагольных форм времени в "Словах" Кирилла Туровского // Филология на рубеже тысячелетий. - Ростов-на-Дону.: РГУ, 2000. - С. 142-145.
3. Меречина С.И. "Знаковое" восприятие грамматических форм времени в средневековой церковной литературе Древней Руси. // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур. Материалы итоговой конференции. – Казань, 2001. – С. 67 – 69.
4. Меречина С.И. Разнотения в глагольных формах времени по разновременным спискам "Слов" Кирилла Туровского. – в печати.
5. Меречина С.И. Грамматическое воплощение идеи времени в древнерусской церковной литературе. – в печати.
6. Меречина С.И. К истории плюсквамперфекта. – в печати.

Лицензия ПД № 7-0157 от 21.05.2001г.

Подписано в печать 30.10.2001.

Формат 60x84 1/16. Тираж 80 экз.

Бумага офсетная. Объем 1,3 п.л.

Заказ № 10/042. Печать ризографическая.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "ДИАЛОГ-КОМПЬЮТЕРС"
Казань, Толстого, 6. Тел. 36-73-80

for